

ИНТЕРВЬЮ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ АНДРЕЙ МИРОНОВ: МНЕ ИНТЕРЕСНО ВСЕ

Телеграмма из Северодвинска была лаконичной, но как много она говорила: «Спасибо за вечер, за отличное настроение. Желаю вам доброго здоровья и успехов в работе. Просто рабочий».

«Я благодарна вам за возвращение смеха и за то, что я еще могу пользоваться этим лекарством», — пишет ленинградка, пережившая блокаду, Нина Адамовна Науменко, просмотрев по телевизору творческую встречу в Останкино.

Словом, речь идет о письмах, присланных известному актеру театра и кино Андрею Миронову. Почта актера — это особая почта. К нему обращаются как к живому воплощению своего идеала, выражают восхищение, спрашивают совета, доверяют сокровенное и, главное, всегда глубоко и искренне интересуются его творческой судьбой, считая, что талант — достояние общественное, и поэтому каждый человек в какой-то мере несет ответственность за его судьбу.

Не спросить ли у самого Андрея Миронова, что он думает по этому поводу? Это и было началом нашей беседы.

— Я очень признателен авторам писем за то, что они хотят меня видеть всегда молодым. Но молодость не нуждается в том, чтобы ее продлевать искусственно. Тогда это будет искусственная молодость. Я предпочитаю молодость мысли, чувства, творчества, молодую ясность ума, молодой интерес к жизни и своему делу. И мне действительно интересно все. И если в 24 года я мог самозабвенно танцевать на палубе в фильме «Бриллиантовая рука», то теперь у меня вызывает интерес многое другое. Я по-прежнему получаю удовольствие, исполняя одесские куплеты, за которые меня так хвалит Л. Карахан, говоря, что я «бесконечно талантлив, прекрасен и неисчерпаем» в них. Но он, очевидно, видит во мне стереотип того, двадцатичетырехлетнего «баловня судьбы», с упоением танцующего на палубе под восторженный хохот публики. — Я только туда и могу адресовать этот панегирик.

Мне же хочется, чтобы люди размышляли, страдали, негодовали и любили вместе со мной, когда я играю Чацкого, Дон Жуана, Фарятева или Леню Шиндина в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся».

Я не принимаю самого понятия амплуа. Оно обедняет актера, создает стереотип и исполнения, и восприятия. Творческая биография И. Смоктуновского не была бы полной, если бы он, кроме Гамлета и царя Федора, не сыграл Деточкина в «Берегись автомобиля!».

«Вы сказали, что мечтаете о других ролях. И вот здесь я испугалась. Мне показалось, что вы считаете свою работу в комедийном жанре недостаточной для серьезного актера», — пишет читательница И. Ильиничка. «Не спешите к другим ролям, продлите свою молодость», — присоединяется к ней Н. М. Филиппова из Днепропетровска. Вопрос о том, быть или не быть Андрею Миронову за пределами комического амплуа, в сложном и прекрасном мире иных жанров, мыслей и страстей другого измерения, волнует многих почитателей его таланта.

Правда, для некоторых критиков он уже решен бесповоротно и окончательно. «И при всей любви к Андрею Миронову, в нем нет исполнителя любовной лирики Пушкина, которым он так хочет быть, отрешившись от своего мюзик-холльного амплуа», — пишет критик Лев Карахан.

Сегодня при многообразии форм выхода актера к зрителю — кино, театр, радио, телевидение — невозможно, немислимо замыкаться в прокрустовом ложе амплуа. Иное дело выбирать, что играть, и быть честным по отношению к самому себе в оценках, хотя бы в каких-то пределах.

Я счастлив, когда получаю письма, в которых люди говорят, как нужны им радость, смех и веселье. Но мне не менее дороги письма, авторы которых хотят вместе со мной осмысливать явления действительности, выражать свое личное отношение к ним. Я не считаю себя стариком, утратившим способность к азарту и задору, но 38 лет — это зрелый возраст, хотя я не могу утверждать, что сам достаточно зрел. Вполне естественно, что с годами круг интересов человека, актера ширится, хочется этого некоторым критикам или нет.

Сейчас я только что закончил работу над ролью Лени Шиндина в «Мы, нижеподписавшиеся» Александра Гельмана. Об этой работе мне уже приходилось рассказывать читателям «Советской культуры». А еще играю в кино Фарятева — героя, тоже требующего большой духовной отдачи, ибо это человек и сильный, и беззащитный одновременно.

Кроме того, у себя в театре я ставлю комедию Григория Горина «Феномен». И играю на малой сцене театра на Малой Бронной в спектакле «Окончание Дон Жуана» Э. Радзинского, поставленном А. Эфросом.

— Значит ли это, что вы делите себя между двумя театрами?

— Это значит только то, что я в Театре сатиры — дома, а в Театр на Малой Бронной приглашен как бы в гости к режиссеру, который мне интересен.

— В дискуссии на страницах «Советской культуры» по статье А. Баранова «Сотвори себе кумира» и в обсуждении статьи Р. Кречетовой «Шаргеновая кожа» в журнале «Театр» много говорится о том, что современные артисты-«звезды» во многом уступают кумирам театральной публики 30—50-х годов...

— Я к слову «звезда» вообще отношусь иронически. В чем проявляется эта «звездность»? В том, что мою фотографию продают в киосках «Союзпечати»? В том, что меня узнают на улице, в автобусе и на вокзале не только в Москве, но и в Норильске? Эта популярность еще не определяет истинную значимость того, что я делаю и что сам считаю особенно важным.

Популярность, как правильно заметил один умный человек, лишь поначалу кажется судьбой, потом нередко до поры до времени поддерживают печать, радио, телевидение и горячность особенно преданных почитателей. Я такой же, как все. Я просто работаю, как все. Мне все интересно.

Высказывается сочувствие актерам, которые быстро сгорают, так как берутся сразу за многое. Ну, а если так совпало, что мне в этом году предложили сразу четыре интересные работы? Да, конечно, чтобы взяться за них, пришлось от многого отказаться. Я не хожу в театр, в кино, не сижу в ресторане, я уплотнил свои сутки до предела. Но ведь у меня был год, когда я не играл в театре ни одной роли! Не знаю, хорошо ли у меня получится все, за что я взялся, но никогда бы не простил себе, если бы отказался. Актер должен одинаково уметь и ждать, и спешить. Что же касается кумиров, есть несколько актеров, которых я ценю очень высоко. Могу назвать пять-шесть имен тех, у кого хотел бы научиться умению экономить себя ради Дела, быть по-хорошему рассудочным. Хотя, может быть, это был бы тогда другой человек, а не я.

— Кстати, о другом человеке. Многих любителей театра и кино интересует, кем бы вы были, если бы не стали актером.

— Или по легкомыслию, или по одержимости я никогда не задумывал стать кем-нибудь другим. Если бы я

сказал, что хотел быть космонавтом или птицеводом, это была бы неправда.

Я очень люблю свою профессию, уважаю ее и дорожу ею. Даже не дорожу, а высоко ценю. Значит, я стал кем хотел.

— Авторы пишем, особенно более старшего поколения, с большой признательностью вспоминают блистательный актерский дуэт Марии Мироновой и Александра Менакера и спрашивают: чем вы обязаны в творческой судьбе своим родителям?

— Ну, конечно, я наблюдал труд родителей, и с раннего детства у меня не было иллюзий, что это вечный праздник. Многие судят об актере по внешним признакам, окутывая его флером той самой пресловутой «звездности». Но лавры бывают редко, а в основном — будни, работа, порой очень тяжелая. Это мне привилось во младенчестве, ибо я был тогда слишком беспечен, чтобы думать о привилегиях и славе. Именно это мне хотелось бы сказать многим читателям, которые спрашивают у меня совета, идти ли им на сцену, и просят помощи, чтобы до нее дойти.

Надо рассчитывать только на самого себя и готовить себя к большому труду, а не к «красивой», благоустроенной судьбе. Можно даже заменить в театральный вуз сдать за человека, но нельзя за него прожить его жизнь — в искусстве эта истина так же неизбежна, как и в любой другой профессии.

— Андрей Александрович, как быть с письмами, авторы которых, кроме всего прочего, просят прислать им ваши автографы, портреты и даже... билеты в театр?

— Я могу только принести свои сердечные извинения в том, что не в состоянии ни ответить всем, ни прислать портреты, потому что просто не держу у себя, а искать их некогда.

А благодарен я всем приславшим мне письма и за добрые слова и пожелания, и за советы, и особенно за критические оценки, которые мне очень важны. Бывают, правда, и несколько обескураживающие письма. Вот, скажем, Михаил Шиллов из Москвы пишет: «Я не люблю театр. Театр не дает никакой пользы. Вы — лишние люди». Что же, Шилова можно только пожалеть. Он лишает себя в жизни очень многого. Театр существует тысячелетия и будет существовать, хочет этого кто-то или нет. И мы, актеры, всегда будем гордиться своей к нему принадлежностью.

Беседу вел
И. ПИРОГОВА.

СОВЕТСКИЙ КУЛЬТУРЫ 25 МАЯ 1979 Г. МОСКВА